

Ю. И. Есенин. 1995-2000. - С. 1

**“И Русь все так же
будет жить,
плясать и плакать
у забора...”**

**Сегодня – 100 лет со дня рождения
Сергея Есенина**

Ровно сто лет назад, 21 сентября 1895 года (3 октября по новому стилю), у Татьяны Есениной родился третий ребенок. Сельский батюшка о. Иван Смирнов уговорил называть мальчика Сергеем. Бабушка будущего поэта было заупрямилась, она сильно недолюбливала соседа с таким же именем. На что о. Иван отвечал: “Не бойтесь, это будет добрый, хороший человек!”.

Столетие – это мистическая дата. Не могло быть случайным столетие Пушкина в 1899 году, а столетие Лермонтова – в 1914-м.

95-летие отмечают специалисты, столетняя дата цепляет всех. Как листопад – он трогает нас каждый своим листом, трогает всякого, но не всякий оглянется на это еле слышное прикосновение.

(Окончание на 8-й стр.)

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Назвать столетие со дня рождения Поэта праздником было бы и скучно, и казенно. Любой праздник отдаст у нас рутиной, графинами в президиумах, шумом, пляской, мотовством и, как водится, дикой пьянкой. И если затмить себе глаза таким праздником, разве поймешь, что день сегодняшний - дар не случайный и не напрасный?

Россия прожила есенинское столетие. Сперва ничего не ведая о светлом мальчике, а потом... - потом Россия схоронила столько мальчиков, что гибель Есенина стала лишь одним из страшных эпизодов бесконечной гражданской войны. Наши деды помнят, как за Есенина сажали, наши родители никогда не забудут, как переписывали его стихи в заветные тетрадки, мешая слезы с чернилами. Мы уже выросли с разрешенным Есениным, недоумевая: за что, почему надо было так люто бороться с поэтом, писавшим о березках и кленах?

Была какая-то загадка и в исполнинской борьбе со стихами и в столь же истовой привязанности к ним. За стихи Есенина страдали, как за веру. Сейчас, когда привкус пороха, нищеты и страдальчества вновь напитывает воздух и землю, яснее наша

Сергей Есенин и Сергей Городецкий. Петроград. 1915 год.

"...Плясать и плакать у забора..."

3.10.95.

мысль о Есенине, о причинах нашей уже почти родовой привязанности к нему.

Ясно, Есенин был дан России в утешение в самые смутные годы ее истории, в канун множества войн и лишений. Так дают на дальнюю ссыльную или каторжную дорогу краюшку хлеба: "На, пожуй... маленько крепче будешь".

Оттого нет ни капли случайности в том, что мы обернулись к Есенину осенью девяностого пятого года.

Напоминание о Есенине, которое нам принес календарь, случилось вовремя. Кто-то должен был напомнить нам, что от себя не убежишь, а путь от тоски лежит не на чужих и шумных дорогах, а там, где слышен окрик журавлиный, шепот тополя и слово жалости.

Вчера, проходя через соседний двор, слышу истошный крик - юная мать воспитывает шестилетнего сына: "Я тебе все зубы повышибаю, одну манную кашу есть будешь!.."

Есенин рос сиротой, в доме деда и бабушки и всю жизнь потом искал не любовных приключений, как это принято считать, а материнского тепла и ласки. Все женщины, которых он любил, кроме Софьи Толстой, были старше его. Этого же, материнского участия, он наивно ждал и от Родины. Уезжал, улетал, бродил по свету и возвращался - в холод.

Народ, выросший без жалости, живет сиротой, но о том до поры не ведает. А сознает он свое сиротство, быть может, лишь в такие вот осенние дни, когда вдруг открывается пустыньность наших опавших лесов и сиротство наших замученных гениев.

Братья мои, люди, люди!
Все мы, все когда-нибудь
В тех благих селеньях

будем,
Где протоптан Млечный
Путь.

...Семнадцатилетний мальчик пишет другу, такому же мальчишке: "Да, Гриша, любви и жалей людей, преступников, и лжецов, и страдаль-

цев, и праведников. Ты мог и можешь быть любым из них. Люби и угнетателей и не клейми позором, а обнаруживай ласкою жизненные болезни людей... Все люди - одна душа". (Из письма Сергея Есенина Григорию Панфилову, 23 апреля 1913 года).

И какого еще могло хватить на столько лет жаления и сочувствия всему живому, если вспомнить, в какие годы он стал Поэтом! Мировая война, мировая революция, мировое отупение... А он плачет о всякой твари, о прирванной траве, о жеребенке, о погасшем до утра солнышке. И все в его стихах плачет, и не ясно, откуда столько слез в одной душе.

Плачет метель, как цыганская скрипка. Плачет тальянка, плачет веселая флейта, осень листвою плачет на песок, плачут дети, собаки, овцы, лошади, и звезда над ними горит "рыдающею дрожью неотлетевших журавлей".

Когда я приезжал к бабушке на лето, она всегда плакала. А я всегда немножко пугался ее слез и утешал: "Ну, что ты, бабушка, все же хорошо..." И тогда она говорила: "Я плачу не от плохого, я плачу от хорошего".

У Есенина тоже все плачет от хорошего или от жалости к этому хорошему. Плачут от счастья, вдруг нахлынувшего, от его скоротечности. Плачут по завтрашнему, еще неведомому горю, а веселиться начинают в минуту почти отчаянную - как рекруты перед отправкой на войну или матросы перед штормом.

Пьют и плачут в одно
с непогодиной,
Дожидаась улыбки
дней...

В Константинове, где славы сегодня Поэта, семьдесят лет назад его, живого, никто не хотел слушать. Есенина уже переводили на европейские языки, а в деревне его звали Серегой, и даже местные учителя ни разу не просили его выступить в школе, прочитать стихи. Мать переживала, что он не стал председателем волостного комитета.

При жизни почти никто не знал его отчества. После

смерти отчество тоже вспоминали редко. Он так и остался в русской литературе Сережей. Есть Лев Николаевич, есть Александр Сергеевич, а есть Сережа. Очевидцы вспоминают, что хоронили его под крики: "Прощай, Сережа!".

Люди чувствовали: ушел человек, пожалевший их невероятной, пронзительной жалостью. И как странно, что с тех пор мы так просто находим в его стихах то, чего сам он так и не нашел - утешение, ласку и домашнее, материнское укрытие.

Из воспоминаний Екатерины Эйгес:

"Стояли теплые весенние дни, но вечера и ночи еще были прохладны. Есенин и еще кто-то из поэтов проводили меня домой. Мы некоторое время стояли у подъезда дома, где я жила, и о чем-то разговаривали. Есенин ежился от холода и переменился с ноги на ногу. Войти ко мне было уже поздно, поэтому я сбегала домой и принесла оттуда красную бархатную накидку. Это была старинная накидка на белом шелку, с высоким воротником. Я надела ее на Есенина, и мы еще долго болтали... Есенину накидка очень шла, и все решили, что он в ней похож на принца из повести Марка Твена "Принц и нищий". Тонкий, худой, с золотистыми вьющимися волосами и в этой короткой бархатной накидке, он действительно был похож на того принца, изображение которого я видела в нашей детской книжке..."

В столетие Пушкина, когда о нем писали много мелочного и даже пошлого, русский философ Владимир Соловьев попытался отметить все это одной фразой, одной мыслью: "Он был чистый поэт... чистый поэт имеет своим предметом чистую красоту и - ничего более".

Есенин был ЧИСТЫЙ поэт, и - ничего более. Чистый звук долетит до всякой незамутненной души и будет услышан. Как в метель долетит до заблудившегося путника звук дальнего невидимого колокола.

Дмитрий ШЕВАРОВ.